Драма судьбы

Одна из самых драматических страниц так богатой событиями жизни Шаляпина — лишение его звания народного артиста республики в августе 1927 года. Этот горький факт хотя и не относится к числу неизвестных, но, стыдливо изложенный почти во всех работах о Шаляпине без развернутых комментариев, сегодня настоятельно нуждается в новом освещении с привлечением как забытых, так и вновь найденных источников, значительно дополняющих картину случившегося. Опуская подробности первых пяти лет отсутствия Шаляпина на Родине (они были заполнены бесконечными гастрольными поездками по разным странам Европы и Амермии), обращаем внимание лишь на одно важное обстоятельство — в течение пяти лет в адрес певца не было никаких недоброжелательных высказываний в советской прессе, если не считать отдельных замечаний по поводу столь долгого невозвращения. Все это естественно, так нак известно, что Шаляпин поминул Советскую Россию 29 июня 1922 года, имея официальное разрешение правительства и, что тоже немаловажно, не как эмигрант, а как советский артист с советским паспортом, выехавший на длигельные гастроли и лечение. Ничто еще не предвещало событий, которые круто изменят ситуацию. В письмах и дочери Ирине в Москву Федор Иванович жалуется на тяжкие условия работы, живо интересуется событиями в стране и театре, в различных газетах появляются его интервью с высказываниями о скором возвращении на Родину...

Конец апреля 1927 года. Осталась позади трудная гастрольная поездка в Австралию, Канаду и США, Шаляпин возвращается в Париж. В центре города, почти рядом с Эйфелевой башней, у него новый, купленный в 1925 году, дом. Два года потребовалось для того, чтобы обставить его мебелью, собрать великолепную библиотеку, устроить быт миногочисленной семьи...
«По старинному моему воспитанию,— пишет Федор Иванович,—я пожелал отнестись к этому приятному событию (переезду) религиозно и устроить в моей квартире молебен... Пошел я за полом. Пошел со мною приятель мой один, Было это летом. Прошли мы на церковный двор на гие Darи, зашли к милейшему, образованнейшему и трогательнейшему священнику, о. Георгию Спасскому. Я пригласил его пожаловать ко мне в дом на молебен... Когда я выходил от отца Спасского, у самого крыльца его дома ко мне подошли какие-то женщины, оборванные, обтрепанные, с такими же оборванными, растрепанными детьми. Дети эти стояли на кривых ногах и были покрыты коростой. Женщины просили дать им что-инбудь на хлеб. Но вышел такой несчастный случай, что ни у меня, ни у моего приятеля не оказалось никаких денег. Так было неудобно сказать этим несчастным, что у меня нет денег. Это нарушило то радостное настроение, с которым я вышел от священника. В эту ночь я чувствовал себя отвратительно.
После молебна я устроил завтрак. На моем

После молебна я устроил завтрак. На моем столе была икра и хорошее вино. Не знаю, как это объяснить, но за завтраком мне почему-то вспомнилась песня:

вспомнилась песня:
А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая...
На душе моей действительно было тревожно...
Я думал о вчерашнем случае в церковном дворе
и невпопад отвечал на вопросы гостей. Помочь
этим двум женщинам, конечно, возможно. Но двое
ли их только или четверо? Должно быть, много.
И вот я встал и сказал:
— Батюшка, я вчера видел на церковном дворе
несчастных женщин и детей. Их, вероятно, много
около церкви, и вы их знаете. Позвольте мне
предложить вам 5000 франков. Распределите их,
пожалуйста, по вашему усмотрению...

Спасский счел нужным напечатать в русской газете Парижа нескольно слов благодарности за пожертвование в пользу бедных русских детей». Действительно, спустя некоторое время в русской эмигрантской газете «Возрождение» (Шаллин в эти дни гастролировал в Будапеште и Вене) полвилось следующее письмо: «Милостивый Государь, Господин Редактор. Позвольте при посредстве Вашей уважаемой газеты выразить благодарность Федору Ивановичу Шаляпину, передавшему мне 5000 (лять тысяч) франков на русских безработных. Три тысячи (3000) переданы мною в распоряжение бывшего морского агента капитана 1 ранга В. И. Дмитриева и тысяча (1000) франков розданы мною непосредственно известным мне безработным, Глубомо уважающий Вас Протонерей Георгий Спасский».

ний». Письмо это послужило завязной дальнейших обытий, которые сразу же набрали стремитель-

событий, которые сразу же набрали стремительный ход...

«...Однажды, кажется, по телефону, я получил очень вежливое приглашение пожаловать в советское полпредство, Я, конечно, мог не пойти, но какое-то щекотливое любопытство подсказало мне: ступай, ступай. Послушай, что тебе скажут.

Полпред Раковский принял меня чрезвычайно любезно. Он прямо пригласил меня в столовую, где я познакомился с г-жой Раковской, очень милой дамой, говорящей по-русски с иностранным акцентом. Мне предложили чаю, русские папиросы. Поболтали о том о сем. Наконец, посол мне сказал, что имеет что-то такое мне передать. Мы перешли в кабинет. Усадив меня у стола рядом с собой, Раковский, нервно перебирая какие-то бумаги — ему, видно, было немного не по себе, — сказал;

вы предложение спросить вас, правда ли, что вы пожертвовали деньги для белогвардейских орга-низаций, и правда ли, что вы их передали капи-тану Дмитриевскому (фамилия, которую я слышал

в первый раз) и еписнопу Евлогию?

(...) Я ответил Раковскому, что белогвардейским организациям не помогал, что я в политике не участвую, стою в стороне и от белых, и от красных, что капитана Дмитриевского не знаю, что епископу Евлогию денег не давал. Что если дал 5000 франков о. Спасскому на помощь изгнанникам российским, то это касалось детей, а я думаю, что трудно установить с точностью, какие дети белые и какие красные.

дети белые и какие красные.
(...) По просьбе Раковского, я все это изложил ему в письменном виде для Москвы. Письмом моим в Кремле остались очень недовольны. Не знаю, чего они от меня ожидали».

...Тем временем на Родине продолжалась невиданная по размаху травля артиста (сколько еще таких будет, но эту по праву можно назвать в числе первых), организованная руководством Всероссийского союза работников искусств, Журнал «Всерабис» (Москва, 1927, № 20 (62), 31 мая, с. 8) печатает «Письмо из Берлина». «Свиты Его Величества—Народный артист республики» немоего С. Симона. Цитаты из этой публикации: «Сидит... «народный» за границей годы и годы, свыкся с этой «заграницей», оброс ею и вот в один прекрасный день оглянулся и видит — нуждаются русские люди, голодают... И какие люди! — Орлы! (...) князья, графы, бароны, тайные и всяческие советники, митрополиты, протоиереи, флигель-адъютанты, генералы свиты Его Величества... Кого только нет... Миллионами ворочали, страной управляли, а теперь нуждаются, безработные... Ну, как не защемить сердцу, не Народного артиста республики, нет, а заслуженного артиста императорских театров, солиста Его Величества?!! Ну и посылает солист Его Величества?! Ну и посылает солист Его Величества?! Ну и посылает солист Его Величества тысяч этак пять франков для раздачи этим безработным... Ведь люди-то какие!!!»

тысяч этак пять франков для раздачи этим без-работным… Ведь люди-то накие!!» Заканчивается «письмо» на истерической ноте: «..Я не понимаю… нас самих, работников ис-

нусств...
Почему мы молчим?!! Почему не положить но-нец издевательству и наглости над всем СССР этого «СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАРОДНОГО АРТИСТА РЕСПУБЛИКИ»?»

АРТИСТА РЕСПУБЛИКИ»?»

Тут же следует и «от редакции»: «...вопрос о ф. и. Шаляпине будет поставлен в ближайшем заседании Президиума ЦК Рабиса».

Таким образом суть поступка Шаляпина была до неузнаваемости извращена. Как ни парадоксально, это было весьма на руку эмигрантским кругам, все годы безуспешно пытавшимся склонить Шаляпина к прямым антисоветским выступлениям.

нить Шаляпина к прямым антисоветским выступлениям.

В первой половине июня 1927 года Центральный комитет Всерабиса принимает резолюцию, требующую лишить артиста звания народного... Эхо этой постыдной кампании отразилось в горьних словах Шаляпина в интервью корреспонденту газеты «Возрождение» С. Левину, напечатанном 23 июня 1927 года:

«...Я прошу всех могх соотечественников — монархистов, социалистов, коммунистов и анархистов раз навсегда оставить меня в покое и дать мне возможность заниматься тем делом, к которому я действительно пригоден. Я пожертвовал деньги в пользу беженских детей. Ведь если это и преступление, то преступником я был и тогда, когда при императорском режиме пел в пользу социалистов-революционеров, и при большевиках в Бутырской тюрьме в пользу заключенных там контрреволюционеров (заметим в скобках, что столь необычный концерт имел место 14 и 17 января 1921 г.). Мне казалось, что за 37 лет моей работы на сцене мои духовные друзья-актеры научились меня ценить и не откажутся признать, что я все-таки что-то сделал для искусства...»

На вопрос корреспондента, что он намерен предпринять, если его действительно лишат почетного звания, певец ответил:

«Но что же я после этого — перестану быть Шаляпиным или стану антинародным артистом—

ного звания, певец ответил:
«Но что же я после этого — перестану быть шаляпиным или стану антинародным артистом—
я, который вышел из гущи народной, — всегда пел для народа. В особенности же теперь, когда я уже 37 лет на сцене и исколесы

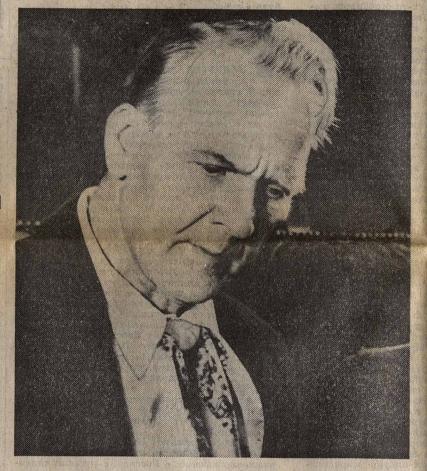
пел для народа. в осооенности же теперь, когда я уже 37 лет на сцене и исколесил земной шар, я хочу на себя взять смелость и проявить, мо-жет быть, нескромность, сназав, что я не просто народный, а всенародный артист. Впрочем, если я совершил преступление, помо-гал бедным руссним детям и этим, быть может, нарушил советский закон, пусть рабоче-крестьян-ское правительство — правительство беднейших рабочих и крестьян лишит меня этого звания. Я же и впредь. видя голодных детей, будучи от-

бочих и крестьян лишит меня этого звания же и впредь видя голодных детей, будучи от-

(Онончание на 4-й стр.).

Федор ШАЛЯПИН —

MACKA II DILIA

НОГО талантливых людей мне судь-

пути. К первым и трогательным воспомина-

ниям о юной дружбе моих московских дней

относится встреча с Сергеем Рахманиновым.

Она произошла в мой первый сезон у Мамон-

това. Пришел в театр еще совсем молодой

человек. Меня познакомили с ним. Сказали,

что это музыкант, только что окончивший

консерваторию. За конкурсное сочинение -

оперу «Алеко» по Пушкину— получил золо-

тую медаль. Будет дирижировать у Мамонто-

ва оперой «Самсон и Далила». Все это мне

очень импонировало. Подружились горячей юношеской дружбой. Часто ходили к Тестову

расстегаи кушать, говорить о театре, музыке

Потом я вдруг стал его видеть реже. Этот глубокий человек с напряженной духовной жизнью переживал какой-то духовный кри-

сал музыку и рвал, неудовлетворенный. К сча-

стью, Рахманинов силой воли скоро преодолел

юношеский кризис, из «гамлетовского» перио-

да вышел окрепшим для новой работы, напи-

сал много симфонических поэм, романсов, фортепианных вешей и проч. Замечательный

пианист, Рахманинов в то же время олин из немногих чудесных дирижеров, которых я в жизни встречал. С Рахманиновым за дирижер-

ским пультом певец может быть совершенно

спокоен. Дух произведения будет проявлен им

с тонким совершенством, а если нужны задер-

жание или пауза, то будет это йота в йоту...

Когда Рахманинов сидит за фортепиано и ак-

компанирует, то приходится говорить: «Не я

пою, а мы поем». Как композитор Рахмани-

нов-воплощение простоты, ясности и искрен-

ности. Сидит в своем кресле и в угоду согляда-

таям не двинется ни влево, ни вправо... Когла

ему нужно почесать правое ухо, он это делает

заурядное воспоминание о посещении Льва

стой жил с семьей в своем доме в Хамовни-

ках. Мы с Рахманиновым получили пригла-

шение посетить его. По деревянной лестнице

мы поднялись во второй этаж очень милого,

уютного, совсем скромного дома, кажется, по-

лудеревянного. Встретили нас радушно Софья Андреевна и сыновья— Михаил, Андрей и

Сергей. Нам предложили, конечно, чаю, но не

до чаю было мне. Я очень волновался. Поду-

мать только, мне предстояло в первый раз

в жизни взглянуть в лицо и в глаза человеку,

До сих пор я видел Льва Николаевича только

на портретах. И вот он живой! Стоит у шах-

матного столика и о чем-то разговаривает с молодым Гольденвейзером (Гольденвейзеры —

отец и сын — были постоянными партнерами

Толстого в домашних шахматных турнирах).

Я увидел фигуру, кажется, ниже среднего ро-

ям Лев Николаевич представлялся мне не

только духовным, но и физическим гиган-

том — высоким, могучим и широким в плечах...

Моя проклятая слуховая впечатлительность

(профессиональная) и в эту многозначитель-

ную минуту отметила, что Лев Николаевич

заговорил со мною голосом как будто дребез-

жащим и что какая-то буква, вероятно, вслед-

ствие отсутствия каких-нибудь зубов, свистала

и пришепетывала!.. Я это заметил, несмотря

на то, что необычайно оробел, когда подходил

что меня крайне удивило — по фотографи-

слова и мысли которого волновали весь мир

С Рахманиновым у меня связано не совсем

Было это 9 января 1900 года в Москве. Тол-

правой рукой, а не левой через всю спину.

зис. Перестал показываться на людях.

послала на моем артистическом

К советскому читателю —

Я благодарен Родине за то, что на — впервые полностью, без изътий — издает мемуары моего отца. В книге «Маска и душа» Федор Иванович Шаляпин рассказывает о своей жизни, о том времени, в коорое проходила его жизнь. Он рассказывает об увиденном и пережигом, как он увидел и пережил. Он всегда говорил то, что думал, погому перенес немало жестоких удакнигой. Правда предопределила ее

Это материал для размышлений. Допускаю, что отец субъективен. Ізучая книги, документы ушедших лет, воспоминания тех, которые были, иные люди, которые придут после нас и, наверное, будут умнее, расставят все по местам, воздадут каждому по грехам и делам его. Чтобы воздать — необходимо, по крайней мере, Знание. Книга Шаляпина — материал для этого великого слова.

Мне нравится и другое слово — Гласность. Это русское слово. Оно завоевывает мир. Благодаря ему мы слышим теперь голоса наших современников. Шаляпин — наш со-

(Книга Ф.И.Шаляпина «Маска и душа» будет издана в 1989 г. издатель-ством «Московский рабочий»).

временник. Он будет современником еще многих поколений.

Искусство несет в себе бессмертие человеческого духа. Имеется довольно много записей, которые позволяют судить о вокальном искусстве Шаляпина, это только одна сторона его уникального дарования Актерская суть, к сожалению, непередаваема...

Вы создали на Родине музей отца. Поставили ему памятники. Это дорого. «Маска и душа» — топамятник - может быть, главный. Пусть звучит слово Федора Ивановича. Пусть его мысль будит мысль. Изменяя жизнь, тех, кто рядом с вами. Шаляпин — рядом. Он советчик, помощник. Он строгий критик. Он рядом, потому что живой.

Я знаю: некоторые ругают его, что уехал. Прочтите внимательно: он никуда не уезжал. Он прошел со своим народом весь путь, который был Шаляпину предназначен.

Я немолод. И не знаю, сколько мне осталось. Отношусь к этому спокойно, потому что и я сделал что-то, чтобы вы прочли, не торопясь, эти страницы. Как равно мои сестры и брат.

Прошаюсь с вами. Благодарю.

Федор Федорович ШАЛЯПИН.

к великому писателю, а еще более оробел, когда он просто и мило протянул мне руку

Сережа Рахманинов был, кажется, смелее меня, но тоже волновался, и руки имел колодные. Он говорил мне шепотом: «Если попросят играть, не знаю как — руки у меня совсем ледяные». И действительно, Лев Николаевич попросил Рахманинова сыграть. Что играл Рахманинов, я не помню. Волновался и все думал: кажется, придется петь. Еще больше я струсил, когда Лев Николаевич в упор спросил у Рахманинова:

Скажите, такая музыка нужна кому-ни-

Попросили и меня спеть. Помню, запел балладу «Судьба», только что написанную Рахма-ниновым на музыкальную тему 5-й симфонии Бетховена и на слова Апухтина. Рахманинов мне аккомпанировал, и мы оба старались представить это произведение лучше, но так мы и не узнали, понравилось ли оно Льву Николаевичу. Он ничего не сказал. Он опять

— Какая музыка нужнее людям — музыка ученая или народная?

Меня попросили спеть еще. Я спел еще не сколько вещей и, между прочим, песню Даргомыжского на слова Беранже «Старый капрал». Как раз против меня сидел Лев Никола-евич, засунув обе руки за ременный пояс своей блузы. Нечаянно бросая на него время от времени взгляд, я заметил, что он с интересом следил за моим лицом, глазами и ртом. Когда я со слезами говорил последние слова расстреливаемого солдата:

«Дай Бог домой вам вернуться» — Толстой вынул из-за пояса руку и вытер скатившиеся у него две слезы. Мне неловко это рассказыу него две следы. Или вызвало в вать, как бы внушая, что мое пение вызвало в Льве Николаевиче это движение души; я, может быть, правильно изобразил движения капрала и музыку Даргомыжского, но эмонию моего великого слушателя я объяснил расстрелом человека.

Стыдновато и обидно мне теперь сознавать, оыло присмотреться внимательно и глубоко, прошло мимо меня как бы незамеченным. Так, природный москвич проходит равнодушно мимо Кремля, а парижанин не замечает Лувра. По молодости лет и легкомыслию очень много проморгал я в жизни. Не я ли мог глубже, поближе и стра-стнее подойти к Льву Николаевичу Толстому? Не я ли мог чаще с умилением смотреть в глаза очкастому Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову? Не я ли мог глубоко вздохнуть, видя, как милый Антон Павлович Чехов, слушая свои собственные рассказы в чтении Мо-сквина, кашлял в сделанные из бумаги фунтики? Видел, но глубоко не вздохнул. Жалко.

СПОМИНАЮ я теперь все мои встречи с замечательнейшими русскими людьми моей эпохи. Вот я с моим бульдожкой сижу на диване у Ильи Ефимовича Репина в Ку-

Барином хочу я вас написать, Федор Иванович, — говорит Репин. — Зачем? — смущаюсь я.

— Иначе не могу себе вас представить. Вот

— Иначе не могу сеое вас представить. Вот вы лежите на софе в халате. Жалко, что нет старинной трубки. Не курят их теперь. При воспоминании об исчезнувшем из обихода чубуке мысли и чувства великого художника уходили в прошлое, в старину. Смотрел я на его лицо и смутно чувствовал его чувства, но не понимал их тогда, а вот теперь

понимаю. Сам иногда поворачиваю мою волчью шею назад и, когда вспоминаю старинную трубку-чубук, понимаю, чем наполнялась душа незабвенного Ильи Ефимовича Репина. Дело, конечно, не в дереве этого чубука, а в духовной полноте того настроения, которое он

Об искусстве Репин говорил так просто и интересно, что, не будучи живописцем, я всетаки каждый раз узнавал от него что-нибудь полезное, что давало мне возможность сообразить и отличить дурное от хорошего, прекрасное от красивого, высокое от пошлого. Многие из этих моих учителей-художников, как и Илья Ефимович, уже умерли. Но природа моей родины, прошедшя через их душу, широко дышит и никогда не умрет...

КОЛЬКО в талантливых людях бывает неисчерпаемой внутренней жизни и как часто их внешний облик противоречит их действительной натуре.

Валентин Серов казался суровым, угрюмым и молчаливым. Вы бы подумали, глядя на него, что ему неохота разговаривать с людьми. Да, пожалуй, с виду он такой. Но посмотрели бы вы этого удивительного «сухого» человека, когда он с Константином Коровиным и со мною в деревне направляется на рыбную ловлю. Какой это сердечный весельчак и как значительно-остроумно каждое его замечание. Целые дни проводили мы на воде, а вечером забирались на ночлег в нашу простую рыбац-кую хату. Коровин лежит на какой-то богемной кровати, так устроенной, что ее пружины обязательно должны вонзиться в ребра спя-щего на ней великомученика. У постели на тумбочке горит огарок свечи, воткнутой в бу-тылку, а у ног Коровина, опершись о стену, стоит крестьянин Василий Князев, симпатичный бродяга, и рассуждает с Коровиным о том, какая рыба дурашливее и какая хитрее... Серов слушает эту рыбную диссертацию добродушно посмеивается и с огромным темпераментом быстро заносит на полотно эту картинку, полную живого юмора и правлы.

Серов оставил после себя огромную галерею портретов наших современников и в этих портретах сказал о своей эпохе, пожалуй больше нем сказали многие книги. Каждый его портрет — почти биография. Не знаю, жив ли и где теперь мой портрет его работы, находившийв Художественном кружке в Москве. Сколько было пережито мною хороших минут в обществе Серова!

Вспоминается Исаак Левитан. Надо было посмотреть его глаза. Таких других глубоких, темных, задумчиво-грустных глаз я, кажется, никогда не видел. Всякий раз, когда я на эстпою на слова Пушкина романс Рубин-

Слыхали ль вы за рощей глас ночной Певца любви, певца своей печали? Когда поля в час утренний молчали, Свирели звук унылый и простой Слыхали ль вы? Вздохнули ль вы . . .

Когда в лесах вы юношу видали? я почти всегда думаю о Левитане. Это он ходит в лесу и слушает свирели звук унылый и простой. Это он — певец любви, певец печали. Это он увидел какую-нибудь церковку, увидел какую-нибудь тропинку в лесу, одинокое деревцо, изгиб речки, монастырскую стену, но не протокольно взглянули на все это грустные глаза милого Левитана. Нет, он вздохнул

и на тропинке, и у колокольни, и у деревца одинокого, и в облаках вздохнул...

И странный Врубель вспоминается. Демон. производивший впечатление педанта! В тяжелые годы нужды он в соборах писал архангеему его демонов. И писал же он своих демонов! Крепко, страшно, жутко и неотразимо Я не смею быть критиком, но мне кажется, что талант Врубеля был так грандиозен, что ему было тесно в его тщедушном теле. И Врубель погиб от разлада духа с телом. В его задумчивости действительно чувствовался трагизм. От Врубеля мой «Демон».

Вспоминается Поленов — еще один замечательный поэт в живописи. Я бы сказал, дышишь и не надышишься на какую-нибудь его желтую лилию в озере. Этот незаурядный русский человек как-то сумел распределить себя между российским озером с лилией и суровыми холмами Иерусалима, горючими песками азиатской пустыни. Его библейские сцены, его первосвященники. его Христос - как мог он совместить в своей душе это красочное и острое величие с тишиной простого русского озера с карасями? Не потому ли, впрочем, и над его тихими озерами веет дух божества?..

Ушли из жизни все эти люди. Из славной московской группы русских художников с на-ми здесь, в Париже, здравствует один только Константин Коровин, талантливейший художник и один из обновителей русской сценической живописи, впервые развернувший свои силы также в опере Мамонтова, в конце прошлого века.

...Большое мое огорчение в жизни, что не встретил Мусоргского. Он умер до моего появления в Петербурге. Мое горе. Это все равно что опоздать на судьбоносный поезд. Приходишь на станцию, а поезд на глазах у тебя

уходит — навсегла!

Но к памяти Мусоргского относились в этой компании (в кружке В. В. Стасова.— Ред.) с любовью, с горделивой любовью. Уже давно понимали, что Мусоргский — гений. Недаром Римский-Корсаков с чисто религиозным усерработал над «Борисом Годуновым», величайшим наследием Мусоргского. Многие теперь наседают на Римского-Корсакова за то, что он-де «исказил Мусоргского». Я не музыкант, но, по скромному моему разумению, этот упрек считаю глубоко несправелливым. Уж один тот материальный труд, который Римский-Корсаков вложил в эту работу, удивителен и незабываем Без этой работы мир, вероятно, и по сию пору едва узнал бы «Бориса что Европа может заинтересоваться его музыкой, он и не думал. Музыкой он был одержим. Он писал потому, что не мог не писать. Пизыку. На салфетках, на счетах, на засаленных бумажках... «Тряпичник» был великий.

Годунова». Мусоргский был скромен: о том, сал всегда, всюду. В петербургском кабачке «Малый Ярославец», что на Морской, один в отдельном кабинете пьет водку и пишет му-Все подбирал, что была музыка. Тряпичник понимающий. Окурок, и тот у него с ароматом. Ну и столько написал в «Борисе Годунове», что, сыграй мы его, как он написан Мусоргским, начинали бы в 4 часа дня и кончали бы в 3 часа ночи. Римский-Корсаков понял и сократил, но все ценное взял и сохранил. Ну да. Есть погрешности. Римский-Корсаков был чистый классик, диссонансов не любил, не чувствовал. Нет, вернее, чувствовал болезненно. Параллельная квинта или параллельная октава уже причиняли ему неприятность. Помню его в Париже после «Саломеи» Рихарда Штра-Ведь заболел человек от музыки Штрауса! Встретил я его после спектакля в кафе де ля Пэ — буквально захворал. Говорил он немного в нос: «Ведь это мерзость. Ведь это отвратительно. Тело болит от такой музыки!». Естественно, что он и в Мусоргском кое на что поморщился. Кроме того, Римский-Корсаков был петербуржцем и не все московское принимал. А Мусоргский был по духу москвичом насквозь. Конечно, петербуржцы тоже глубоко понимали и до корней чувствовали народную Россию, но в москвичах было, пожалуй, больше бытовой почвенности, «черноземности». Они, так сказать, носили еще косоворотки... Вообще, наши музыкальные классики в глубине души, при всем их преклонении перед Мусоргским, все несколько отталкивались от его слишком густого для них «реализма» Артистическая среда по всему строю своих

чувств, навыков и вкусов принадлежала, конечно, к тому «старому миру», который надлеуничтожить. Это была своеобразная интеллигенция с буржуазными повадками. То есть вдвойне чуждая духу пролетарского режима. Но, как я уже отмечал, советские люди по многим причинам мирволили театру, и потому самому заправскому коммунисту нялось в грех общение с актерами. Правда и то, что актерский мир вообще довольно легко приспособляется к новым условиям, к новым людям. Может быть, это оттого, что лицедейство на сцене приучает профессионального актера видеть в самых коренных переворотах в жизни только своего рода смену декораций и действующих лиц. Вчера играли генерала, сегодня играют пьяного рабочего.

ОСЛЕ большевистского переворота русский театр оказался облепленным всякого рода «деятелями революции», как мухами. И за несколькими исключениями это были именно мухи: слоны были слишком грузны и важны, слишком заняты делом, чтобы развлекаться хождением по кулисам или посещением актеров на дому. Повадились и ко мне ходить разные партийны. Попалались среди них, конечно, и приятные люди, хотя бы такие, как этот легкомысленный, но славный командир Ш., с симпатичным матовым лицом и умными глазами. Но это были редкие исключения. Среди многих «надоедателей» преобладали люди малокультурные, глубоко

(Окончание на 4-й стр.).

что же СЛУЧИЛОСЬ русским театром

Что же случилось, спрашиваю я себя иногда, что случилось с русским актером, что так стерлось его яркое, прекрасное лицо? Почему русский театр потерял свою прежнюю обжи гающую силу? Почему в наших театральных залах перестали по-настоящему плакать и понастоящему смеяться? Или мы так уже обелнели людьми и дарованиями? Нет, талантов у нас, слава Богу, запас большой.

В ряду многих причин упадка русского те-- упадка, который невозможно замаскировать ни мишурой пустой болтовни о каких то новых формах театрального искусства, ни беззастенчивой рекламой, - я на первом плане вижу крутой разрыв нашей театральной тра-

О традиции в искусстве можно, конечно, судить разно. Есть неподвижный традиционный канон, напоминающий одряхлевшего, склероз ного, всяческими болезнями одержимого старца, живущего у ограды кладбища. Этому подагрику давно пора в могилу, а он цепко держится за свою бессмысленную, никому нужную жизнь и распространяет вокруг себя трупный запах. Не об этой формальной и вред ной традиции я хлопочу. Я имею в виду преемственность живых элементов искусства, в которых еще много плодотворного семени. Я не могу представить себе беспорочного зачатия новых форм искусства... Если в них есть жизнь — плоть и дух, то эта жизнь должна обязательно иметь генеалогическую связь с

Прошлое нельзя просто срубить размашистым ударом топора. Надо разобраться, что в старом омертвело и принадлежит могиле и что еще живо и достойно жизни. Лично я не представляю себе, что в поэзии, например, може всецело одряхлеть традиция Пушкина, в живописи — традиция итальянского Ренессанса и Рембрандта, в музыке — традиция Баха, Моцарта и Бетховена... И уж никак не могу вообразить и признать возможным, чтобы в те-атральном искусстве могла когда-нибудь одряхлеть та бессмертная традиция, которая в фокусе сцены ставит живую личность актера, душу человека и богоподобное слово.

Между тем к великому несчастью театра и театральной молодежи, поколеблена именно эта священная традиция. Поколеблена она людьми, которые жилятся во что бы то ни стало придумать что-то новое, хотя бы для этого пришлось насиловать природу театра. Эти люди называют себя новаторами; чаще всего это просто насильники над театром. Подлинное гворится без насилия, которым в искусстве ничего нельзя достигнуть. Мусоргский — вели кий новатор, но никогда не был он насильником. Станиславский, обновляя театральные представления, никуда не ушел от человеческого чувства и никогда не думал что-нибудь делать насильно только для того, чтобы быть

Позволю себе сказать, что и я в свое время был в некоторой степени новатором, но я же ничего не сделал насильно. Я только собственной натурой почувствовал, что надо ближе приникнуть к сердцу и душе зрителя, что надо затронуть в нем сердечные струны, заставить его плакать и смеяться, не прибегая к выдумкам, трюкам, а, наоборот, бережно храня высокие уроки моих предшественников, искренних, ярких и глубоких русских старых акте-

Это только горе-новаторы изо всех сил напрягаются придумать что-нибудь такое сногсшибательное, друг перед другом щеголяя хлесткими выдумками...

Что это значит — «идти вперед» в театраль ном искусстве по принципу «во что бы то ни стало»? Это значит, что авторское слово, что актерская индивидуальность — дело десятое, а вот важно, чтобы декорации были непременно стиле Пикассо — заметьте, только в стиле: самого Пикассо не дают... Другие говорят: нет, это не то. Декораций вообще не нужно — нуж ны холсты или сукна. Еще третьи выдумывают, что в театре надо актеру говорить невоз можно тише — чем тише, тем больше настро ения. Их оппоненты, наоборот, требуют от театра громов и молний. А уж самые большие новаторы додумались до того, что публика в театре должна тоже принимать участие в действии» и вообще изображать собою какого-то «соборного» актера.

Этими замечательными выдумщиками яв ляются преимущественно наши режиссеры -«постановщики» пьес и опер. Подавляющее их большинство не умеет ни играть, ни петь. музыке они имеют весьма слабое понятие. Но зато они большие мастера выдумывать «новые формы». Превратить четырехактную классическую комедию в ревю из 38 картин Они большие доки по части «раскрытия» намеков автора. Так что, если действие происходит в воскресный, скажем, полдень в русском губернском городе, т. е. в час, когда на церквах обычно звонят колокола, то они этим ко-

локольным звоном угощают публику из-за кулис. Малиновый шум заглушает, правда, диалог; зато талантливо «развернут намек»... Замечательно, однако, что, уважая авторские намеки, эти новаторы самым бесперемонным образом обращаются с его текстом и с точными его ремарками. Почему, например, «Гроза» Островского ставится под мостом? Островскому никакой мост не был нужен. Он указал место и обстановку действия. Я не удивлюсь, если завтра поставят Шекспира или Мольера на Эйфелевой башне, потому что постановщику важно не то, что задумал и осуществил в своем произведении автор, а то, что он, «истолкователь тайных мыслей автора», вокруг этого намудрил. Естественно, что на афише о постановке, например, «Ревизора» скромное имя Гоголь напечатано маленькими буквами и аршинными буквами — имя знаменитого постановщика Икса. Я не догматик в искусстве и вовсе не отри

цаю опытов и исканий. Не был ли смелым опытом мой Олоферн? Реалистичен ли мой Дон Базилио? Что меня отталкивает и глубоко огорчает, это подчинение главного-аксессуавнутреннего — внешнему, души — погре мушке. Ничего не имел бы я ни против «лестницы жизни», ни против мешков с мукой, если бы они не мешали..

Я сам всегда требую хороших, красивых и сильных декораций. Особенность и ценность оперы для меня в том, что она может сочетать в стройной гармонии все искусства - музыку поэзию, живопись, скульптуру и архитектуру. Следовательно, я не мог бы упрекнуть себя и

(Окончание на 4-й стр.).

Привычка не исключала, однако, внезапных взрывов отвращения. Случалось, что эти господа переходили всякие границы, и тогда ту пая покорность превращалась в крайнее бе-

потрепанному платью. Кто же тогда в России

Вина и спиртные напитки добротного качества исчезли из нормального оборота, и граждане, любящие посидеть за рюмкой веселой влаги, стали изготовлять водку домашними способами. У меня завелся особый сорт эстонской водки из картошки. Что это была водка хорошая - остается недоказанным, но мы в это верили. Во всяком случае, моим «мухам» она очень пришлась по вкусу. И вот собралось у меня однажды несколько человек. Среди них находились финляндский коммунист Рахия и русский коммунист Куклин, бывший лабазник, кажется. Пока пили «картошку», все шло хорошо. Но вот кому-то вздумалось завести разговор о театре и актерах. Рахия очень откровенно и полным голосом заявил, что таких людей, как я, надо резать.

Кто-то полюбопытствовал: - Почему?

стыдился дырявых сапог?...

— Ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство.

Замечание Рахия меня позабавило. Ишь, подумал я, как на финна действует эстонская водка!.. Но, на беду, заораторствовал Куклин. Он был обстоятелен и красноречив: ничего, кроме пролетариев, не должно существовать, а ежели существует, то существовать это должно для пролетариев. И каждые пять минут настойчиво повторял:

— Вот вы, актеришки, вот вы, что вы для пролетариата сделали что-нибудь или не сде-

Тошно стало. Я все же сдерживаюсь, объясняю, что мы делаем все, что можем, для всех вообще, значит, и для пролетариев, если они интересуются тем, что мы делать можем. А он все свое: никто ничего не понимает, а в особенности я, Шаляпин.

— Ты ничего не понимаешь. А ты вот выдумай что-нибудь да для пролетариата и пред-

- Выдумай ты, а я представлю.

— Выдумай ты, а я представлю.

— Так ты же актеришка, ты и выдумать должен. Ты ничего не понимаешь... Да что ты понимаешь в пролетариате?

Тут я, забыв мой долг хозяина дома быть деликатным, что называется, взвился штопором и, позеленев от бешенства, тяжелым кулаком хлопнул по гостеприимному столу. Заиграла во мне актерская кровь. Грозного и Бориса: — Встать! Подобрать живот, сукин сын!

Как ты смеешь со мной так разговаривать? Кто ты такой, что я тебя никак понять не могу? Навоз ты этакий, я Шекспира понимаю, а тебя, мерзавца, понять не могу. Молись богу, если можешь, и приготовься, потому что я тебя сейчас выброшу в окно на улицу...

Товарищи, почуяв опасный пассаж в дружеской беседе, встали между мною и Куклиным. Успокоили меня, и «гости», выпив последний стакан эстонской водки, разошлись по

П ИСКОЛЬКО не веселее обстояли дела в

Как-то давно в Петербурге, еще при старом режиме, ко мне в Северную гостиницу постучался какой-то человек. Был он подстрижен в скобку, на выковырянном рябоватом лице бы ли рыженькие усики сапоги бутылкой Вошел, повертел головой направо и налево, точно она у него была надета на кол, посмотрел углы и, найдя икону, истово трижды перекрестился, да и сказал:

- Федор Иванович, вы меня не помните?

А я у вас при постройке дачи, значит,

наблюдал. Ах, да. Кажется, вспоминаю.
 Будьте любезны, Федор Иванович, похло-

почите мне местечко какое.

А что вы умеете делать? Нечаянный собеседник удивился: Как что могу делать? Наблюдать.

Интересно наблюдать, потому что он, ничего не делая и ничего не понимая, только при-Сенька, гляди, сучок-от как рубишь! И Сенька, который уже в десятом поту, дол-

жен до двенадцатого поту сучок-от рубить. Много на Руси охотников понаблюдать. И вот эти любители наблюдать набросились при коммунизме на русский театр. Во время революции большую власть над театром забрали у нас разные проходимцы и театральные дамы, никакого в сущности отношения к театру не имевшие. Обвиняли моего милого друга Теляковского в том, что он кавалерист, директорствует в императорских театрах Но Теляковский в своей полковой конюшне больше передумал о театре, чем эти проходимцы и дамы-наблюдательницы во всю свою жизнь. Но они были коммунистки или жены коммунистов, и этого было достаточно для того, чтобы их понятия об искусстве и о том, что нужно «народу» в театре, становились законами. Я все яснее вилел что никому не нужно то, что я могу делать, что никакого смысла в моей работе нет. По всей линии торMACKAMALIYILA

сводившиеся к тому, что, кроме пролетариата, никто не имеет никаких оснований сущеи что мы, актеришки, ничего не понимаем. Надо-де нам что-нибудь выдумать для пролетариата и представить... И этот дух проникал во все поры жизни, составлял самую суть советского режима в театрах. Это он убивал и замораживал ум, опустошал сердце и вселял в душу отчаяние.

НЕ МОГУ быть до такой степени пристрастным, чтобы не заметить, что в самой глубокой основе большевистского движения лежало какое-то стремление к действительному переустройству жизни на более справедливых, как казалось Ленину и некоторым другим его сподвижникам, началах. Не простые же это были в конце концов «воры и супостаты». Беда же была в том, что наши российские строители никак не могли унизить себя до того, чтобы задумать обыкновенное человеческое здание по разумному человеческому плану, а непременно желали построить «башню до небес» — Вавилонскую башню!.. Не могли они удовлетвориться обыкновенным здоровым и бодрым шагом, каким человек идет на работу, каким он с работы возвращается домой, — они должны рвануться в будущее семимильными шагами... «Отречемся от старого мира» — и вот надо сейчас же вымести старый мир так основательно, чтобы не осталось ни корня, ни пылинки. И главное — удивительно знают все наши российские умники. Они знают, как горбатенького сапожника сразу превратить в Аполлона Бельведерского; знают, как научить зайца зажигать спички; знают, что нужно этому зайцу для его счастья; знают, что через две сти лет будет нужно потомкам этого зайца для их счастья. Есть такие заумные футуристы, которые на картинах пишут какие-то сковороды со струнами, какие-то треугольники с селезенкой и сердцем, а когда зритель недоумевает и спрашивает, что это такое? они отвечают: «Это искусство будущего...» Точно такое же искусство булушего творили наши российские строители. Они знают! И так непостижимо в этом своем знании они уверены, что самое малейшее несогласие с их формулой жизни они признают зловредным и упрямым кощунством и за него жестоко ка-

Таким образом произошло то, что все «медали» обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. «Свобода» превратилась в тиранию, «братство»-в гражданскую

жандармы, прокутившиеся ремонтеры-гусары, недоучившиеся студенты, неудачники-фармацевты. Пришел наш знакомый провинциальный полуинтеллитент, который в серые дни провинциальной жизни при «скучном» старом режиме искал каких-то особенных умственных развлечений. Это он выходил на станцию железной дороги, где поезд стоит две минуты, чтобы четверть часика погулять на платформе, укоризненно посмотреть на пассажиров первого класса, а после проводов поезда как-то особенно значительно сообщить обожаемой гимназистке, какое глубокое впечатление он вынес вчера из первых глав «Капи-

В кавказской земской управе, где я служил писцом, был столоначальник, ведавший учительскими делами. К нему приходили сель ские учителя и учительницы. Все они были различны по наружности, т. е. одеты совершенно непохоже один на другого, подстрижены каждый по-своему, голоса у них были различные, и весьма были разнообразны их простые русские лица. Но говорили они все както одинаково — одно и то же. Вспоминая их теперь, я понимаю, что чувствовали они тоже одинаково. Они чувствовали, что все существующее в России решительно никуда не годится, что настанет время, когда будет восстановлена какая-то им не очень отчетливо ясная справедливость, и что они тогда духовно обнимутся со страдающим русским народом... Хорошие, значит, у них были чувства. Но вот запомнилась мне одна такая страства. ная народолюбка из сельских учительниц, которая всю свою к народу любовь перегнала в обиду, как перегоняют хлеб в сивуху. В обиду за то, что Венера Милосская (о которой она читала у Глеба Успенского) смеет быть прекрасной в то время, когда на свете столько кривых и подслеповатых людей, что Средиземное море смеет сиять лазурью (вычитала она это у Некрасова) в то время, когда в России столько луж, топей и болот... Пришла, думаю я, поклониться Кремлю и она...

Пришел также знакомый нам молодой столичный интеллигент, который не считал бы себя интеллигентом, если бы каждую минуту не мог щегольнуть какой-нибудь марксис ской или народнической цитатой, а который по существу просто лгал — ему эти цитаты были нисколько не интересны... Пришел и озлобленный сиделец тюрем при царском режиме, которого много мучили, а теперь и он не прочь помучить тех, кто мучил его. шли какие-то еще люди, которые ввели в «культурный» обиход изумительные словечки: «он встретит тебя мордой об стол», «катиисполнит без мысли, но послушно все то, что прикажет ему заводная ручка. Робот, цитирующий Ленина, говорящий под Сталина, ругающий Чемберлена, поющий «Интернационал» и, когда нужно, дающий еще кому-нибудь в зубы...

Я стал чувствовать, что робот меня задушит, если я не вырвусь из его бездушных объятий.

ЗАДУМАЛ в России дело, которое я считал основным делом моей жизни. Я согрел мечту, которая была мне дороже всего. Я решил посвятить и мои материальные средства, и мои духовные силы на создание в России интимного центра не только театрального, но и вообще — искусства. Мне мечталась такая уединенная обитель, где, окруженный даровитыми и серьезными молодыми людьми, я бы мог практически сообщить им весь мой духовный опыт и жар мой к благородному делу театра. Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, но-

сящая имя Пушкина. На ней я решил построить замок искусства. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий. Я приобрел в собственность Пушкинскую

скалу, заказал архитектору проект замка, купил гобелены для убранства стен. Мечту мою я оставил в России разбитой..

Недавно я с грустью наткнулся на один ее обломок. В одной лондонской газете была напечатана фотография какого-то замка, а под ней была подпись: подарок Советского правительетва Ф. И. Шаляпину. Присмотрелся: про-ект замка, выработанный архитектором по моему заказу. Вероятно, он где-нибудь его выставил и вот - «подарок Советского прави-

Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шут-А где он возьмет Пушкинскую скалу?

Но это, конечно, не шутка. Моя мечта неразрывно связана с Россией, с русской талангливой и чуткой молодежью. В каком-нибудь Охайо или на Рейне этот замок искусства меня не так прельщает. Что же касается «благородных любителей искусства» — не могу надивиться этому парадоксальному явлению. Я знаю людей, которые тратят на оперу сотни тысяч долларов в год, значит — они должны искренне и глубоко любить театр. А искусство их-ersatz самый убогий. Сезон за сезоном, год

-СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ● 9 апреля 1989 г. ● № 82 [9933] ● 4 стр.

Драма судьбы

цом семейства и собственным трудом зарабатывая на жизнь, всегда по мере возможности нанормлю и напою. Жаль только, что на всех не хватит слез, как сказано в персидской пословице». — Не собираетесь ли вы в Россию? — Я прежде всего русский. Связи с Россией ниногда не порву. Но поехать сейчас, после всей этой гнусной кампании, которую против меня ведут, не намерен. Я свободный человек и хочу жить свободно, дабы мне не навязывали убеждений. Моя совесть чиста... перед Родиной моей, которую я безумно люблю, и перед народом моим, за который я страдаю. Пусть мои слепые недоброжелатели поступают так, как им заблагорассудится...»

2 июня 1927 года в Москве в бой бросают уже «крупнокалиберную» публицистическую артиллерию — Михаил Кольцов выплескивает на странны «Правды» уничтожающий фельетон под заголовком «Широкая натура». О Шаляпине в нем говориств так.

цы «Правды» уничтожающий фельегон под заголовком «Широная натура». О Шаляпине в нем говорится так:
«Ему, десятипудовой хрипнущей птичке, показалось тошно на русской равнине.
Не то, чтобы голодно птичке жилось. Клевала
она порядочно. Мы (автор говорит о себе во множественном числе, за которым затушевывается
конкретное «я».— М. И.) были свидетелями, как
целые военные дивизии, большие заводы отрывали от жалких своих пайков возы и грузовики
с мукой, крупой, мануфактурой и платили ими
птичке за радость послушать ее».
В фельетоне повторялись сплетни дореволюционных времен: домыслы желтой прессы, моральные критерии которой, мягко говоря, размыты,
используются здесь партийной печатью.
«Скучно в сотый раз рассказывать все намозолившие уши истории знаменитого баса: битье
физиономий суфлерам и парикмахерам; пение на
коленях перед царем; мазание безответных лакеев горочицей; скандалы на репетициях. Скучно и
тоскливо, потому что кончился царь, кончился и
бас...»
Об упреках М. Кольцова, позже многажды повторенных нашей печатью. В начестве только одного примера можно привести пришедшее в 1981

бас...» Об упреках М. Кольцова, поэже многажды повторенных нашей печатью. В качестве только одного примера можно привести пришедшее в 1981 году в редакцию газеты «Советская Россия» письмо З. А. Сухоруковой. Оно пришло в ответ на публикацию воспоминаний дочери певца И. Ф. Шалялина — мои отец». Немолодая женщина поделилась своими воспоминаниемы

подая женщина поделилась своими воспомина-ниями.

«В 1918 году,— рассказывает Зинаида Афанась-евна,— я с родителями жила в Кронштадте. И вот туда приехал Шаляпин с концертом в пользу го-лодающих. Каждый билет давал право на получе-ние подарка. Родственница, которая была на кон-церте, отдала этот билет мне, тогда еще одинна-дцатилетней девочке, голодной. С этим талоном я на другой день пошла по указанному мне адре-су. Там мне дали белую булку и несколько ку-сков сахара! Вулку эту я разделила, чтобы до-сталось всем членам семьи, а нас было пять че-ловек, сахар весь отдала маме, И хоть мне мало досталось от подарка Шаляпина,— заканчивает 3. А. Сухорукова,— это событие осталось у меня в памяти на всю жизнь».

...24 августа 1927 года Совет Народных Комиссаров РСФСР своим постановлением утвердил решение Всерабиса о лишении Шаляпина звания народного артиста республики. Как заявил А. В. Луначарский в «Красной газете» от 26 августа, «постановление было принято без всяких дебатов...»

12 апреля 1938 года Шаляпина не стало. Вся

Ф. И. Шаляпин с дочерьми.

-На рыбной ловле в Ратухино. 1910-е гг.-

- Одна из последних гастрольных поездок. Шанхай 1936 г.

мировая печать, отдавая должное его памяти, от-нликнулась на кончину сотнями статей, в теат-рах прошли траурные заседания, в адрес семьи поступили тысячи телеграмм-соболезнований со всех концов земли, в том числе и от глав госу-дарств. Похороны вылились в демонстрацию все-мирной любви к великому русскому артисту, в скорбный акт преклонения леред его гением. Печально, что на Родине по поводу случивше-гося были опубликованы следующие строки: «Телеграф принес известие о смерти в Париже Федора Шаляпина.

«Телеграф принес известие о смерти в Париже Федора Шаляпина.

Шаляпин, пройдя в свое время большой творческий путь, создал ряд образов, вошедших в историю русского оперного театра.

Однако в расцвете сил и таланта Шаляпин изменил своему народу, променяв Родину на длинный рубль. Оторвавшись от родной почвы, от страны, взрастившей его, Шаляпин во время пребывания за границей не создал ни одной новой роли. Все его выступления за рубежом носили случайный характер. Громадный талант Шаляпина иссяк уже давно.

Ушел он из жизни, не оставив после себя ничего, не передав никому методов своей работы, большого опыта, Литературное наследство Шалялина не представляет ничего интересного для искусства. Это хронологическое изображение эпизодов, поражающих своим идейным убожеством. Народный артист СССР, орденоносец Мари Рейзен».

войну, а «равенство» привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота...

Самая страшная, может быть, черта режима была та, что в большевизм влилось целиком все жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью. И не только мещанство, а вообще весь русский быт со всем, что в нем накопилось отрицательного. Пришел чеховский унтер Пришибеев с заметками о том, кто как живет, и пришел Федька-каторжник Достоевского со своим ножом. Кажется, это был генеральный смотр всем персонажам всей обличительной и сатирической русской литературы от Фонвизина до Зощенко. Все пришли и добром своим поклонились Владимиру Ильи-

Пришли архивариусы незабвенных уезлных управ, фельдфебеля, разносящие сифилис по окраинам города, столоначальники и

тесь колбасой», «шикарный стул», «сегодня чувствуется, что выпадут осадки». И пришел, расселся и щелкает на чертовых счетах сухими костяшками — великий бухгалтер!.. Попробуйте убедить в чем-нибудь бухгалтера! Вы его не убедите никакими человеческими резонами— он на цифрах стоит. У него выкладка. Капитал и проценты. Он и высчитал, что ничего не нужно. Почему это нужно, чтобы человек жил сам по себе в отдельной квартире? Это буржуазно. К нему можно вселить столько-то и столько-то единиц. Я говорю ему обыкновенные человеческие слова, бухгалтер их не понимает: ему подавай цифру. Если я скажу Веласкес, он посмотрит на меня с недоумением и скажет: народу этого не нужно. Тициан, Рембрандт, но, или это белогвардейщина. Ему нужен автоматический счетчик, «аппарат» — робот, а не живой человек. Робот, который в два счета

за годом, в прошлый, как и в последующий,все в их театрах трафаретно и безжизненно. И так будет через пятьдесят лет. Травиата Травиата. Фальшивые актеры, фальшивые реноме, фальшивые декорации, фальшивые ноты — дешевка бездарного пошиба. А между тем эти же люди тратят огромные деньги на то, чтобы приобрести подлинного Рембрандта, и с брезгливой миной отворачиваются от точто не подлинно и не первоклассно. До сих пор не могу решить задачи — почему в картинной галерее должен быть подлинник. и непременно шедевр, а в дорого же стоящем театре — подделка и третий сорт? Неужели потому, что живопись, в отличие от театра, представляет собою не только искусство, но незыблемую валютную ценность?.

Искусство может переживать времена упадка, но оно вечно, как сама жизнь.

8 марта 1932 г.

что же СЛУЧИЛОСЬ русским театром

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

равнодушии к заботам о внешней обстановке. Я признаю и ценю действие декорации на публику. Но, произведя свое первое впечатлени на зрителя, декорация должна сейчас же уто нуть в общей симфонии сценического действия. Беда же в том, что новаторы, поглощен ные нагромождением вредных, часто бессмыс ленных декоративных и постановочных затей уже пренебрегают всем остальным, самым главным в театре — духом и интонацией про изведения и подавляют актера, первое и главное действующее лицо.

Я весьма ценю и уважаю в театральном деягеле знания, но если своими учеными изысканиями постановщик убивает самую суть ис кусства — то его науку и его самого надо из

геатра беспощадно гнать.

Режиссер ставит «Бориса Годунова». У Ка рамзина или у Иловайского он вычитал, что самозванец Гришка Отрепьев бежал из монастыря осенью, в сентябре. Поэтому, ставя сце ну в корчме с Гришкой и Варлаамом, он остав ляет окно открытым и за окном дает осенний пейзаж — блеклую зелень

Хронология торжествует, но сцена погубле-Мусоргский написал к этой картине зимнюн

музыку. Она заунывная, сосредоточенная замкнутая — открытое окно уничтожает на-

строение всей сцены... ...Кажется мне порою, что растлевающее влияние на театр оказал и общий дух нового времени. Долго наблюдал я нашу театральную жизнь в столицах и не мог не заметить с большим огорчением, что нет уже прежнего отношения актера к театру. Скептики иногда посмеиваются над старомодными словами «свягое искусство», «храм искусства», «священный грепет подмостков» и т. п. Может быть, оно ввучит и смешно, но ведь не пустые это были слова для наших стариков. За ними было глубокое чувство. А теперь похоже на то, что молодой актер стал учиться в училищах главным образом только для того, чтобы получить аттестат и немедленно же начать играть Рюи Блаза. Перестал как будто молодой актер заду-мываться над тем, готов ли он. Он стал торопиться. Его занимают другие вопросы. Весь грепет свой он перенес на дешевую рекламу Вместо того чтобы посвятить свою заботу и свое внимание пьесе, изображению персонажа, спектаклю, — он перенес свое внимание на те атральный журнальчик и на афишу — имя большими буквами. Понятно, что лестно увидеть свое изображение на первой странице журнала с надписью внизу: «Усиков. Один из самых наших замечательных будущих талангов». Приятно и ослепительно. Но в этом оспеплении актер перестал замечать, что от ингимных отношений со «священным искусством» он все ближе и ближе переходил к базару. Актер обтер свое лицо о спину театрального репортера..

Для развлечения и удовлетворения мелкого самолюбия он восторженно стал принимать приглашения в кружки так называемых люителей театрального искусства, кружки взаимной лести и рекламы, где на каждой репетиции обязательно находил редактора театральной газеты. Критика серьезных людей сделалась ему обидной, тяжелой и невыносимой. Но страшнее всего то, что он потерял способность и склонность критиковать самого себя.

Надо по всей справедливости сказать, что трудно приходится современной молодежи— ее жаль. Искусство требует не только усидчивости, но и сосредоточенности. Цивилизация последних десятков лет смяла кости этой доброй усидчивости. Сейчас все так торопятся, спешат. Аэропланы, радио. Наверху летают, а внизу, на земле, дерутся. Хоть я и не очень стар, а скажу, мы, старики, в баню ходили, долго мылись, благодуществовали. Хорошо погереться мочалкой и веником попариться. Для искусства хорошо. Теперь станешь на пружинку, тебя в минуту и намылили, и потерли, и усатин уже во всех волосах. Для искусства сатин вредная вещь, вредна и пружинка. Искусство требует созерцания, спокойствия, хорошего ландшафта с луной. А тут Эйфелева башня с Ситроеном... Надо торопиться, спешить, перегонять.

Актер, музыкант, певец вдруг как-то стали все ловить момент. Выдался момент удачныйон чувствует себя хорошо. Случилось что-нибудь плохое, он говорит - «не везет», затирают, интригуют, Этот моменталист никогда не виноват сам, всегда виноват кто-то другой.

И год от году, на моих глазах, этот базар стал разрастаться все более зловеще. Ужасно на каждом шагу и всюду — на всем земном шаре — сталкиваться с профессионалами, не знающими своего ремесла. Актер не знает сцены, музыкант не знает по-настоящему музыки, дирижер не чувствует ни ритма, ни паузы Не только не может передать души великого

музыканта, но не способен даже уследить более или менее правильно за происходящими сцене действиями, а ведь спектаклем командует он, как полководец - сражением. С чрезвычайно нахмуренными бровями, с перст нем на мизинце, он-то очень убедительно машет палочкой... И нельзя сказать, чтобы этот дирижер совершенно ничего не знал. Нет, он знает, много знает, обучен всем контрапунктам, но от этого знания толку мало потому, одних знаний недостаточно для решения задачи. Надобно еще уметь сообразить, понять и сотворить. Ведь для того чтобы построить хороший мост, инженеру мало знать курс, который он проходил в школе. Он должен еще быть способным решить творческую задачу...

Мне, которому театр, быть может, дороже всего в жизни, тяжело все это говорить, но еще тяжелее все это видеть. Я старая театральная муха — тони ее в окно, она влезет в дверь — так неразрывно связан я со сценой. Я проделал все, что в театре можно делать. Я и лампы чистил, и на колосники лазил, и декорации приколачивал гвоздями, и в апофеозах зажиской труппе, и водевили разыгрывал, и Бориса Годунова пел. Самый маленький провинциаль ный актер, фокусник какой-нибудь в цирке близок моей душе. Так люблю я театр. Как же мне без боли признаться, что в большинстве современных театров мне и скучно, и грустно Но я надеюсь, я уверен, что не все молодые изменили хорошей, честной театральной традиции. И с уверенностью скажу им: «Не ряйте духа! Будьте себе верны — вы победизодов, поражающих своим идеиным уоожеством, Народный артист СССР, орденоносец Марк Рейзем».

По свидетельству внучни замечательного актера Мамонта Дальского Ирины Александровны Барановской, близкой к семье артиста в те годы и
крестницы Шаляпина, на квартиру автора позвонил Валерий Павлович Чкалов, Разговор велся в
выражениях, обычно не цитируемых, Редакция
вынуждена была спешно изготовить неуклюжее
опровержение, сложив вину на одного из своих
сотрудников. Текст его гласил: «В «Известиях» от
14 апреля был помещен отклик на телеграмму о
смерти Шаляпина за подписью народного артиста
СССР М. О. Рейзена. Тов, Рейзен М. О. обратился
в редакцию с заявлением, что он такой заметки
не писал. Заметна была составлена сотрудником
реданции на основе беседы с т. Рейзеном М. О.
по телефону (...) резко расходятся с тем, что было
сказано (...) о Шаляпине, нак художнике.
Реданция считает необходимым извиниться...
Сотрудник редакции А. Эфроимсон, применивший
метод, недопустимый в советской печати, исключен
из состава работников «Известий». Кто-то может спросить, стоит ли извленать из небытия столь неприглядные фанты, ведь имя певца давно реабилитировано всевозможными актами памяти. Осенью 1988 года, как известно, открылась экспозиция в доме Шаляпина (он отреставрирован) на бывшем Новинском бульваре столицы (ныне улица Чайновского), издаются монографии, выходят грамзаписи, в родной земле покоится его прах. На Новодевичьем иладбище в Москве певцу установлен памятиик, планируется открытие памятника Ф. Шаляпину во дворе дома на Новинском и в одном из городов Казани, на родине певца, Начался сбор средств на его создание... Благодаря огромной работе неравнодушных людей, помощи детей певца многие из принадлежавших Шаляпину вещей — картины, этоды К. Коровина, В. Серова, И, Левитана, редкие снимки возвращены на Родину. Найдены даже фотографии, сделанные самим Шаляпиным, — это неповторимый мир, увиденный глазами того, кого А. М. Горький назвал «символом русской мощи и таланта», чье имя писатель поставил в одном ряду с именами Пушкина и Толстого. В пору нетолько в музыкальном искусстве, но и в мировой культуре в целом...

Мансим ИВАНОВ.

Мансим ИВАНОВ.